

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ АСТРАХАНИ В ГРОЗНЫЙ И ОБРАТНО: ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ¹

Романова А. П.

Романова Анна Петровна, Астраханский государственный университет.
Гуманитарный институт. 414056, г.Астрахань, ул. Татищева 20 а.
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Статья представляет собой небольшой травелог, как результат путешествия автора в Чечню после более чем двадцатипятилетнего отсутствия на родине. На основании прошлых воспоминаний и сравнения их с современными реалиями, автор пытается проанализировать изменения в современном культурном ландшафте республики. Автор соотносит увиденное со своими научными исследованиями последних лет в области кавказского фронта. Эссе иллюстрировано собственными фотографиями автора.

Ключевые слова: травелог, Чечня, новации, традиции, фронтирные личности, кавказский фронт.

Грозный – моя родина. Я здесь выросла, закончила среднюю школу в самом центре города, что замыкала собой когда-то старое здание Нефтяного института. Он был одним из лучших учебных заведений страны, в нем учились мои родители и работала я после специалитета и аспирантуры МГУ. Грозный был городом моего детства, наполненным смехом, играми, друзьями, надеждами, буйной зеленью, из которого я окончательно уехала летом 1991 г. В это время к власти уже пришел Джохар Дудаев и обстановка в республике обострилась. Я уехала в соседнюю Астрахань и о ситуации в Чечне узнавала из СМИ, да от друзей, которые сначала выбирались, а потом просто убегали от войны. Студенты из Чечни, учившиеся у нас в Астраханском государственном университете, привозили фотографии разрушенного города, разбитых домов, ощерившихся провалами окон, разрухи и беды. Все это убедило меня в том, что города моего детства больше нет.

Я не была в Грозном практически более 25 лет. Друзья звали на конференции и юбилеи, но я не хотела ехать. Сначала я просто боялась отголосков войны, ненависти и обид, той сгустившейся, застоявшейся атмосферы горя и невозвратимости утраты, которая

¹ Работа выполнена по государственному заданию No 35.6373,2017/БЧ «Построение модели функционирования традиций и инноваций в пространстве фронта»

витала там все военные годы. Потом, когда вернувшиеся из Грозного коллеги убеждали меня в абсолютной безопасности поездки, поняла что боюсь уже несколько другого – соприкоснуться со «своим-чужим» городом. Понятно, что любой город через четверть века меняется порой очень кардинально, но в основном, как мне казалось, не так и не по таким причинам.

Но вот на глаза моим коллегам проф. Бaeвой Л.В. и доценту Алиеву Р.Т. попала информация о конференции в Чеченском государственном педагогическом университете, посвященной проблемам безопасности, которыми мы занимались уже много лет, и мы решили поехать. Грела мысль о встрече с друзьями, но страшила встреча с городом. Больше всего я боялась пройти по родному проспекту Победы и уткнуться в обезличенные стекло и бетон. Однако встреча с Грозным меня ошеломила. Уже подъезжая к Грозному, на станции Гудермес мы не могли отвести глаз от светящихся минаретов местной мечети. Яркими огнями небоскребов встретил нас и ночной Грозный. Интересно, что именно ночь в Грозном стал объектом популярных туристических маршрутов из района Минеральных вод.



Грозный-сити и мечеть «Сердце Чечни». Фото автора

Когда я увидела Грозный, мне захотелось назвать его *своей* гетеротопией*, прежде всего потому, что этот город изменился именно для меня, он стал *другим* пространством по отношению к городу моих воспоминаний. В центре города – Грозный –сити, небоскрежное пространство в стекле, бетоне и огнях. К нему примыкает большой цветочный парк с зелеными скульптурами, пальмами, ночной иллюминацией. Рядом – мечеть «Сердце Чечни» – одна из самых больших в Европе, внутри которой нам тоже удалось побывать. Через дорогу – мемориал памяти жертвам в борьбе с терроризмом. Символично, что этот совершенно новый архитектурный комплекс – построен на месте уничтоженных зданий обкома КПСС и Совета министров.

Ощущение дежавю и одновременно гетеротопности пространства вызвал бывший проспект Победы, ныне В. Путина. Большая часть домов, среди них и дом, где я жила, отреставрированы почти в первоначальном виде, сохранился бульвар в центре улицы.



Мой дом на проспекте В. Путина (бывший п. Победы) Фото автора.

Однако при ближайшем рассмотрении понятно, что это еще и частичная реконструкция. Достаточно посмотреть на башенку с часами на моем доме, раньше она выглядела иначе. На первых этажах

* Гетеротопия – термин М.Фуко, обозначающий *другое* культурное пространство.

домов бутики, кафе во французском стиле. И ты понимаешь, что идешь по «своему/другому» городу.



Салон на проспекте В.Путина. Фото автора.

Очень странное и щемящее чувство. Я узнавала и не узнавала дома, где жили друзья, где мы бывали в гостях, куда я ходила на уроки музыки. Моя приятельница из прошлого, а ныне зав. кафедрой информационных технологий Грозненского государственного нефтяного технического университета Наталья Алексеевна Моисеенко, провезла нас по городским улицам и мы вспоминали, что здесь было когда-то, а что исчезло безвозвратно. Больше всего было жалко окончательно утраченные ныне библиотеку Чехова, здание ГНИ, где мы работали и старый Кировский парк.



*Здание Грозненского нефтяного института до войны.
Фото автора.*

Грозный и в советское время был зеленым, красивым городом, с достаточно ухоженным центром, сталинскими домами в районе двух главных проспектов – Революции и Победы. Однако раньше мне всегда не хватало в нем историко-культурного ландшафта, исторических маркеров, которыми отличались многие российские города и в частности Астрахань: крепостей, исторических построек и памятных мест.

Каюсь, живя и работая в Грозном, я недостаточно интересовалась историей и культурой Чечни и Кавказа в целом. Сфера моих научных интересов лежала в несколько иной плоскости. По прошествии многих лет, занимаясь фронтными исследованиями, по совету проф. С.Н.Якушенкова, я обратила свое внимание на Кавказ. Правда сделала я это с некоторой опаской, поскольку понимала, что термин «кавказский фронт», впрочем, как и само понятие фронта воспринимались многими отечественными исследователями неоднозначно.(Голованова, Шнайдер 2012) Часть исследователей,

такие как Шеуджен Э.А. (Шеуджен,2006) , уверенно отрицали правомерность применения этого понятия по отношению к Кавказу прежде всего на том основании, что главной характеристикой фронта считается соприкосновение зон дикости и цивилизации, а Кавказ на тот момент с точки зрения исследователя был самостоятельной цивилизацией. Другие активно используют этот термин (Баррет, 2000), что позволяло им рассмотреть период кавказских войн не только с позиции ведения боевых действий и постройки укреплений, а как территорию активных межкультурных коммуникаций.

Занятия фронтирными исследованиями подвели нашу научно-исследовательскую группу в 2016 г. к созданию словаря «Личности российского фронта» (2016), в который вошло немало исторических личностей, в том числе и представлявших кавказский фронт. Мое путешествие в Чечню оказалось неожиданным для меня соприкосновением с историческими местами или их отсутствием, связанными с фронтиром и фронтирными личностями, о которых я недавно писала.

Конечно, в Грозном в советское время были памятники, но в основном они принадлежали XX веку. Из культурных маркеров более раннего времени в Грозном был памятник Александру Ивановичу Полежаеву, опальному поэту, участнику кавказской войны, бретеру и скандалисту, сосланному на Кавказ за поэму «Сашка», короче-фронтирной личности. Здесь, на Кавказе он увлекся местной культурой и написал ряд поэм, описывающих горский быт и историю: Эртели (1830) и Чири-Юрт (1832) , а так же серию лирических стихов (Полежаев,1987). Судьба Полежаева была печальна, он, как и многие из его талантливых современников, связавших свою жизнь с Кавказом, умер молодым. Памятник стоял в сквере возле здания Грознефти рядом с домом, в котором жили мои бабушка с дедушкой. Он ассоциируется у меня с моим дедом, который гулял с маленькой мною в этом садике.

Был еще один знаковый памятник, связанный с историей Грозного – это бюст основателю города проконсулу Кавказа Ермолову Алексею Петровичу. Первоначально рядом с памятником сохранилась еще землянка генерала, но я уже помню его спрятанным за сплошной кирпичной стеной. Памятник Ермолову периодически уничтожался и восстанавливался, поскольку фигура военачальника была весьма «дискуссионной» для вайнахских народов. Окончательно памятник был уничтожен в 1989 г. Памятник Полежаеву тоже не сохранился.

Сейчас в облике Грозного достаточно культурных маркеров. Ими становятся, во-первых, вайнахские – башни. Они теперь

встречаются в Чечне не только, например, как исторический памятник в Итум-Кале, но и как культурные симулякры* – практически на каждом шагу. Баши стали основой облика нового здания национального музея, обозначают вход на чернореченское водохранилище, находятся на игровых детских площадках и т.д..



*Национальный музей Чеченской республики.
Фото автора*

Кстати о музее. В советское время в двух музеях Грозного – краеведческом и изобразительных искусств была очень неплохая коллекция артефактов, и при посещении музея было приятно осознать, что ее значительная часть сохранена или выкуплена на аукционах. Новое здание национального музея имеет не только оригинальный фасад, но и впечатляющее экспозиционное пространство. Этот музей – два в одном. Часть экспозиций занимает археология и этнография, а центральный зал под куполом отдан картинам. Я поймала себя на том, что через много лет узнаю многое и не могу сдержать радостных комментариев, что привлекло к нам девушку-экскурсовода. Она

* *Симулякр* — это постмодернистский термин, обозначающий изображение без оригинала, репрезентацию чего-то, чего на самом деле не существует, как например фотография или макет объекта.

объяснила, что около 60 картин еще находится в Москве на реставрации, в том числе и известная картина Ф.Рубо «Взятие аула Гуниб и пленение Шамиля 25 августа 1959». В экспозиции я увидела автопортрет еще одной фронтальной личности - интересного художника с трагической судьбой – П.З. Захарова-Чеченца. Он был найденышем, по сути жертвой Кавказской войны, с семилетнего возраста воспитывался в семье двоюродного брата проконсула Кавказа Петра Николаевича Ермолова.

Об этой ситуации позже в поэме «Мцыри» упомянул М.Ю. Лермонтов:

*«Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез...»*

Увидев ранние способности ребенка к живописи, генерал дал ему хорошее художественно образование в Петербургской Академии художеств. Впитавший в себя традиции европейской культуры, высоко оцененный К. Брюлловым, П.З. Захаров, крестник генерала А. Ермолова, будучи истинным человеком фронта, несмотря на то, что был воспитан вне родной культуры, всегда осознавал свою этническую идентичность – рядом со своей фамилией писал – «чеченец». Судьба его тоже фронтна. Став академиком живописи, написав портреты Ермолова, Лермонтова, Муравьева, получив признание, женившись по большой любви на дочери известного Московского врача И.В. Постникова, он через несколько месяцев после свадьбы вслед за женой в тридцатилетнем возрасте умирает от чахотки.



*Автопортрет П.З. Захарова-Чеченца.
Фото автора*

Вторым культурным маркером Чечни становится мусульманская атрибутика и это, прежде всего мечети. Я не помню мечети в советском Грозном, и не нашла об этом упоминаний в интернете. Да и православная церковь была, по-моему, тоже одна на проспекте Ленина, кстати, она восстановлена и сейчас функционирует. Сейчас мечети построены практически во всех районах Грозного и Чечни, и каждая из них по-своему оригинальна и красива. Нам довелось побывать внутри «Сердца Чечни» и полюбоваться меняющей цвета мечетью в Аргуне.



*Мечеть в городе Аргун, меняющая свои цвета.
Фото автора.*

Последний день нашей поездки был потрясающим. Небо благоволило нам и послало солнечную теплую погоду. Мои друзья, с которыми я работала в Грозненском нефтяном институте, проф. М.М. Ибрагимов и доц. С.Х. Улубаев повезли нас в горы и показали ряд исторических и культурных мест, с которыми я, ранее не была знакома.

Надо сказать, что в Чечне успешно справились по крайней мере с одной российской бедой – дорогами. Первое, что поразило меня, распространение почти европейского качества дорог не только в столице, но и в горных районах Чечни, что позволило нам объехать достаточное количество населенных пунктов.

Нашим гидом был доктор исторических наук, профессор Муса Муслимович Ибрагимов. Это был экскурс и по местам его детства, и по памятным историческим местам Чечни.

Проезжая мимо Сержень - Юрта, где практически вся советская городская молодежь, в том числе и ваша покорная слуга, отрывалась летом в пионерских лагерях - «Дружба», «Светлячок» и т.д., я поняла, что это до настоящего момента был конечный пункт моего знакомства с горными районами республики. Выше по дороге в горы я никогда не поднималась. Я так и не смогла побывать в Итум-

Кале и это осталось неосуществленной мечтой. Минуя Сержень-Юрт, мы едем в Ведено. Часть детства и юности Мусы Муслимовича Ибрагимова прошла в школе-интернате в Ведено, и в любую погоду, в снег и в дождь, он ходил сюда на учебу по дороге, по которой мы ехали на машине по хорошему асфальту минут сорок. Он рассказывал, как маленьким мальчиком чуть не замерз в снегу, и я подумала, каким сильным внутренним стержнем и жаждой знаний обладало наше поколение.

Первое что бросилось в глаза при въезде в Ведено – сельский рынок с экзотическими вяленными тушами.



Рынок в Ведено. Фото автора

Аул Ведено является своеобразным фронтирным маркером не только для Чечни, но и для Кавказа в целом. Во время Кавказской войны, именно рядом с аулом была последняя ставка имама Шамиля, это была столица его имамата и, по сути, здесь война и закончилась. В Ведено сохранилась старая гарнизонная крепость, заложенная на излете Кавказской войны.



*Боевая башня крепости Ведено.
Фото автора*

Описания Ведено оставил военный историк Н.В.Волконский «Бывший аул Ведень лежал на правом берегу левого притока реки Хулхулау, при выходе его из лесистого и более или менее недоступного ущелья. Окруженный заповедными горными и лесными тущобами, он красиво покоился в долине, и только западная и восточная стороны аула были ограждены отвесными обрывами, круто ниспадавшими в глубокие овраги; кроме того, они были укреплены брустверами из плетней и туров, засыпанных землей... В середине аула был двор Шамиля, также обнесенный частоколом, а в середине этого двора — его дом, со всеми необходимыми службами, в том числе с кунацкой и гаремом. В том же дворе было здание для двухсот мюридов, составлявших конвойную команду имама». (цит.по Ходжаев 1998) В крепости располагались арсенал, мастерские. Надо сказать, что Ведено было на тот момент действительно пространством активных межкультурных коммуникаций. Здесь в особом скиту жили казаки, перешедшие на сторону горцев. В войске Шамиля и его обслуге были русские, украинцы, поляки, венгры. «Всем перебежчикам к Шамилю давали свободу и права гражданина (узденя) Имамата. Из бывших русских солдат были составлены артиллерийские команды и отдельный шамилевский батальон. Казаки же вместе с чеченцами служили в кавалерии». (Ходжаев,1998)

К настоящему моменту сохранились и отреставрированы боевая башня и стены крепости.



Реставрированная крепостная стена.

Фото автора.

Муса Муслимович Ибрагимов показал нам подземный ход к источнику, которым пользовались как обитатели крепости, так и ученики школы-интерната.



*Подземный ход к источнику в крепости Ведено.
Фото автора*

Рядом с крепостью располагается старинный парк, заложенный еще в середине XIX века. История крепости и парка связана непосредственно с именем еще одного фронтирного героя - абрека Зелимхана Гашмазукаева (Харачоевского). Абрек на Кавказе - это человек, ушедший в горы, давший обет на несколько лет отрешиться от всех родственных связей и заниматься разбоем. До 1901 г Зелимхан ведет семейный, вполне добропорядочный образ жизни. На путь абрека его толкнула ситуация умыкания невесты Зезак у брата Солтамурада, закончившаяся кровавой разборкой. Зелимхана по оговору сажают в тюрьму. Дед Зелимхана Бахо приезжал в Веденскую крепость просить за свою родню, но в ответ получил только оскорбление и вскоре умер. Зелимхан поклялся отомстить за смерть деда и становится абреком. Далее история Зелемхана становится достойной хорошего романа (Гатуев ,1930) и экранизации, что собственно и было осуществлено в 1929 г. режиссёром О.Фрелихом, в роли Зелимхана снялся осетин Ладо Бестаев.

Бежав из практически неприступной тюрьмы Грозного, Зелимхан пытается разрешить ситуацию с возвращением невесты брата силовыми методами. Зезак бежит из плена и позднее выходит за

Солтамурада замуж. Однако власти арестовывают семью Зелимхана – жену и детей, и они содержатся в той же крепости в Ведено. Зелимхан ночью проникает в неприступную крепость и заключает сделку с подполковником Добровольским, пообещавшим выпустить семью Зелимхана, но не сдержавшим своего обещания. Зелимхан, в свою очередь похищает сына Добровольского и только тогда обмен происходит. В ответ подполковник начинает репрессии не только против семьи Зелимхана, но и против всех односельчан. Кстати известность к Зелимхану приходит после громкого убийства одного подполковника в 1906 г. в перестрелке у Ведено. В парке возле крепости в 1908 г. был убит Зелемханом инициатор и ответственный за проведение антикрестьянского землеустройства в Чечне полковник Галаев.



Место в парке, где предположительно был убит Галаев. Фото автора.

В народе образ Зелемхана приобретает черты Робин Гуда. Рассказывают эпизод, как в руки Зелимхана попал знаменитый Ф.Шаляпин, которого абрек попросил только спеть. Действия Зелимхана перерастают в настоящую партизанскую войну. Власти испуганы возросшим авторитетом абрека и интенсификацией его деятельности. Больше всего они боятся, что он станет «новым Шамилем». За голову Зелемхана назначается безумная по тем

временам сумма – 18000 рублей. По тем временам корова стоила около 60 рублей. В конце концов находится предатель, который сдает местопребывание Зелимхана и 27 сентября 1913 г. его жестоко убивают близ села Шали. Открытки с мертвым Зелимханом еще долго ходят в народе. О нем слагают песни, пишут книги, ставят фильмы. (Гудаев, 2011; Бибулатов, 2014. При советской власти Зелимхан превращается в героя национально-освободительной борьбы, революционера. В наше время в его родном селе ему поставлен весьма живописный памятник возле девичьего ручья.



Памятник Зелимхану в с. Харачой. Фото автора.

Возвращались обратно мы по дороге, проходящей через святое для чеченцев место село Хьаьжи-Эвла, в котором жил шейх Кунта-Хаджи Кишиев, и где захоронена его мать Хеди. Мы не стали фотографировать мавзолей, тем более что туда как раз прибыли паломники. В советское время имя Кунта-хаджи было под запретом, как и зикр, который он проповедовал. Поэтому еще одним финальным знаком перемен в Чечнее стал вот этот дорожный билборд.



Дорожный билборд. Внизу надпись – Пища и зикр-секреты нашего долголетия. Фото автора.

Уезжала я из Чечни с теплым чувством, что все-таки мой родной город есть. И я могу опять к нему прикоснуться, как к кусочку своего детства.

Список литературы

Барретт Томас, М. (2000). Линии неопределенности. Северокавказский «фронт» России. *Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Имперский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс.* Самара, стр. 163-194.

Бибулатов, В. М. (2014). *Рыцарь чести.* Минводы. Подиграфпром.

Гатуев, Д. (1930). *Зелимхан.* Retrieved from: <https://www.litmir.me/br/?b=206082&p=1>

Голованова, С.А. & Шнайдер, В.Г. (2012) Концепция фронта в современной кавказоведческой литературе. *Вестник Адыгейского государственного университета*, сер 1. С.66-74

Гудаев, Л. (2011). *Абрек Зелимхан: факты и документы. Грозный.* ГУП «Книжное издательство».

Полежаев, А.И. (1987). *Стихотворения и поэмы.* М.: Советский писатель.

Хожаев, Д. (1998). *Чеченцы в Русско-Кавказской войне*. Грозный. Издательство «Седа».

Шеуджен, Э.А. (2006). Зона ли фронта Северный Кавказ? *Вопросы теории и методологии истории: сб. науч. Трудов*. Майкоп. Изд-во АГУ, вып. 5, стр. 3-15

JORNEY FROM ASTRAKHAN TO GROZNY AND BACK: A QUARTER CENTURY ABSENCE

Romanova A. P.

Romanova Anna Petrovna, Astrakhan State University. Institute for the Humanities. 414056, Astrakhan, Tatishchev St. 20 a.
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

The article presents a small travelogue as result of the author's journey to her native place Chechnya after more than twenty-five years absence. Comparing her old memoirs with the new impressions, the author analyses changes in the modern cultural landscape of Chechen republic. The author correlates her impressions with scientific research of the last years in the field of the Caucasian frontier. The narration is illustrated by the author's photos.

Keywords: travelogue, Chechnya, innovations, traditions, people of the frontier, Caucasian frontier.

References

Barrett, Thomas M. (2000). The line of uncertainty. The North Caucasus frontier of Russia. *American studies. Milestones in the historiography of recent years. The Imperial period: an anthology /Comp. M. David-Fox*. Samara, стр. 163-194.

Bikbulatov, V. M. (2014). *Knight of honor*. Minvody. Poligrafprom.

Gatuev D. (1930). *Zelimkhan*. Retrieved from: <https://www.litmir.me/br/?b=206082&p=1>

Golovanova, S. A. & Schnaider, V. G. (2012) The Concept of the frontier in the modern literature about the Caucasus. *Vestnik of Adyghe state University, Vol. 1*, pp. 66-74

Gadaev, L. (2011). *Abrek Zelimkhan: facts and documents*. Grozny. GUP «Knizhnoe Izdatel'stvo».

Polezhaev, A. I. (1987). *The Poems*. M.: Soviet writer.

Khojaev, D. (1998). *The Chechens in the Russian-Caucasian war*. Grozny. Publishing house «Sedan».

Sheudzhen, E. A. (2006). Is the Northern Caucasus the frontier area? *Questions of theory and methodology of history: collection of scientific works. Maykop. Publishing house AGU*, vol. 5, pp. 3-15